

Духанов Сергей Сергеевич

кандидат архитектуры, доцент.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств», Новосибирск, Россия, e-mail: ssd613@ngs.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ АРХИТЕКТОРА Б.А. АЛЕКСЕЕВА В НОВОСИБИРСКЕ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ

УДК: 72.036+711.4.03

ББК: 85.113(2)

Рассматриваются проекты ленинградского архитектора Б.А. Алексеева, разработанные им в 1933 г. в Новосибирске. Исследование основано на архивных источниках. Сопоставительный анализ материалов позволил установить следующее. Автором рассматриваемых проектов 1933 г. был Б.А. Алексеев. Игнорирование материалов, подтверждающих его авторство, было вызвано непониманием специфики архитектурного проектирования в 1920-е – 1930-е гг. и недостатком первоисточников. В проектах Алексеева выявлен целый ряд приемов и черт, характерных для ленинградской архитектурной школы и ленинградского авангарда.

Ключевые слова: архитектор Б.А. Алексеев, ленинградская архитектурная школа, архитектурный авангард, Западная Сибирь

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проведения научного исследования в области гуманитарных наук по теме «Генпланы городов Западной Сибири 1930-х – 1950-х гг.: градостроительные идеи и региональные особенности» (проект №15-04-00356); номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта № 115042370011.

Введение

Роль ленинградской (петербургской) архитектурной школы в развитии архитектуры и градостроительства Западной Сибири в XX в. до сих пор остается малоизученной. Между тем, выпускники ленинградских архитектурных вузов внесли немалый вклад в формирование архитектурного облика целого ряда западносибирских городов: принимали активное участие в разработке генеральных планов городов, гражданском и промышленном проектировании, а также в развитии архитектурно-градостроительной мысли, особенно в период Великой Отечественной войны.

Одним из ярких представителей ленинградской архитектурной школы, работавших в Западной Сибири в 1930-е гг., был архитектор Борис Алексеевич Алексеев (1908–1952?) (рис. 1). Биография Алексеева ярко отражает непростую судьбу советских архитекторов той эпохи и могла бы стать основой для остросюжетного романа или кинофильма.

Алексеев родился в Санкт-Петербурге (1905), учился в Ленинградском институте инженеров коммунального строительства (ЛИИКС). В феврале 1933 г., на третьем курсе ЛИИКСа, был арестован и репрессирован по политическим мотивам в административном порядке. В апреле 1933 г. был осужден по ст. 58-11 УК РСФСР и выслан в Запсибкрай сроком на 5 лет. В ссылке (на посе-

Рис. 1. Б.А. Алексеев. Фото 1931 г. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

ление) в 1933 г. прибыл в Новосибирск. В 1933–1938 гг. работал вместе с такими архитекторами, как Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, И.И. Соколов-Добрев и др., в крупнейших проектных организациях краевой столицы: проектно бюро строительного отделения ХОЗО ПП ОГПУ по Запсибкраю (ЗСК), а также Новосибирских отделениях Горстройпроекта и Сибстройпути (Сибтранспроекта). 4 июля 1936 г. был принят в члены Союза советских архитекторов¹. В 1938 г. в связи с репрессиями вместе с семьей покидает Новосибирск и уезжает в Томск. В 1939 г. переезжает на юг страны; работает старшим архитектором в Геленджикском и Новороссийском отделениях треста «Краскрайпроект» (Геленджик, Новороссийск). Перед Великой Отечественной войной снова был арестован. С мая 1946 г. по апрель 1952 г. находился на спецпоселении в «Дальстрое» Магаданской области. Затем следы Алексеева теряются и неизвестны даже точные дата и место смерти. Реабилитирован в 2006 г. [1; 2, с. 139, 147, 154, 167–168].

Рис. 2. Сотрудники Сибстройпути (слева направо): А.Н. Ширяев, Н. Тетяева (подруга Г.И. Телегиной), Б.А. Алексеев. Фото второй половины 1930-х гг. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

Имя Б.А. Алексеева неразрывно связано с другим талантливым ленинградским архитектором – Аркадием Николаевичем Ширяевым (1908–1953?). Друзья и однокурсники были репрессированы почти одновременно в 1933 г. и вместе оказались в Новосибирске, где поддерживали друг друга (рис. 2). В дальнейшем, как и Алексеев, Ширяев был репрессирован еще несколько раз [3, с. 310].

С конца 1930-х гг. творчество обоих «неблагонадежных» архитекторов было предано в Новосибирске негласному забвению. Так, в докладе «Зодчие Новосибирска» (апрель 1944 г.), посвященном 10-летию юбилею Новосибирского отделения Союза советских архитекторов, при перечислении наиболее значимых объектов города 1930-х гг. не были даже упомянуты постройки архитектора А.Н. Ширяева (генштаб Сибирского Военного округа, здание Управления и жилые дома Томской железной дороги). При этом все остальные, стоявшие буквально напротив, здания тех лет, причем менее значимые в градостроительном отношении, как и их авторы, были названы².

Несмотря на непростую судьбу, Б.А. Алексеев оказался плодовитым архитектором (рис. 3–8). Поражает разнообразие его проектных работ, отличавшихся высоким качеством графического исполнения и архитектурной проработки. Он проектировал самые различные типы зданий и сооружений: клубы, учебные учреждения, жилые дома и кварталы, парки культуры и отдыха, рекреационные и лечебные объекты. Работал в разных стилях (авангардном и ретроспективном направлениях) и с разными материалами (камень, дерево). Одинаково виртуозно разрабатывал проектную документацию как эскизной, так и рабочей стадии: отмытки и чертежи, генпланы, планы, перспективы, фасады и разрезы. Это свидетельствует как о высокой подготовке в ЛИИКСе, так и о таланте самого архитектора.

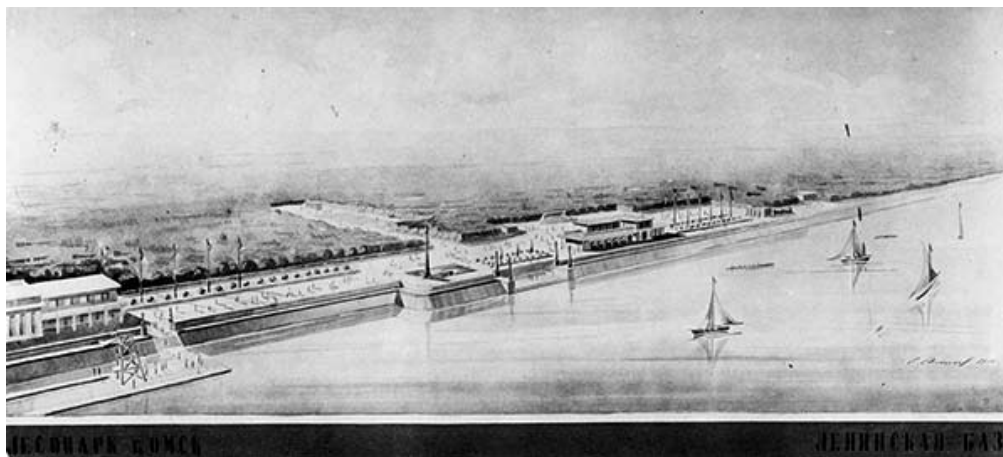

Рис. 3. Проект лесопарка в Омске. Ленинская база. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев. Новосибирское отделение Горстройпроекта. 1936. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 3-2. Л. 7. Фото 8.

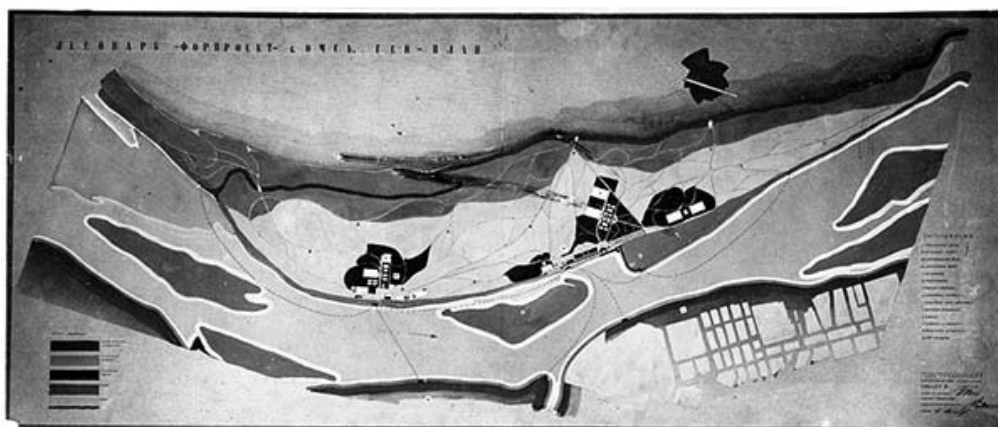

Рис. 4. Проект лесопарка в Омске. Генплан. Арх. Б.А. Алексеев. Новосибирское отделение Горстройпроекта. 1936. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 3-1. Л. 43. Фото 3

Рис. 5. Проект многоэтажного жилого дома завода № 166 в Омске. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев. Новосибирское отделение Горстройпроекта. 1936. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 3-1. Л. 64. Фото 3

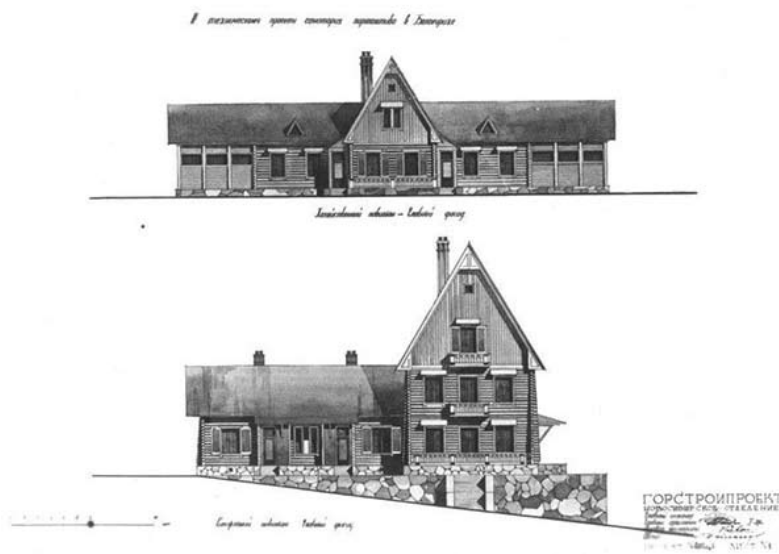

Рис. 6. Проект санатория партактива в Белокурихе. Главные фасады хозяйственного и служебного павильонов. Арх. Б.А. Алексеев. Новосибирское отделение Горстройпроекта. 1937. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

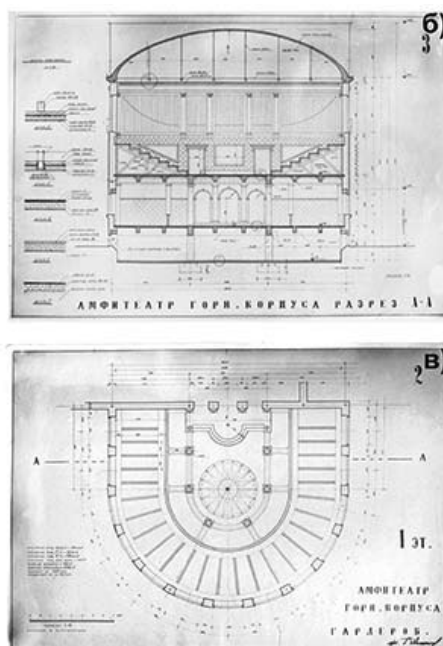

Рис. 7. Проект внешнего оформления и амфитеатра лекционного зала учебного корпуса горного факультета Томского индустриального института им. С.М. Кирова: а) Общий вид. Фото Б.А. Алексева; б) разрез; в) план амфитеатра. Арх. Б.А. Алексеев. 1939. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

Рис. 8. Проект спортклуба общества «Медик» в Геленджике. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев. Геленджикское отделение Краскрайпроекта. 1939. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

Рис. 9. Штампы на проектах АПМ-5 Новосибирского отделения Горстройпроекта, вторая половина 1930-х гг.: а) автор проекта: арх. Б.А. Алексеев. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 3-1. Л. 64. Фото 3; б) автор проекта: арх. Л.С. Сивек. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 3-1. Л. 21. Фото 3

Авторство большинства работ Б.А. Алексеева никогда не ставилось под сомнение благодаря штампам проектных организаций, в которых он работал. В этих штампах всегда четко указано, кто и в каком качестве подписывал проекты и был их автором (рис. 9).

Постановка проблемы

Импульсом к написанию статьи послужило письмо из личного архива М.Б. Алексеевой – дочери архитектора Алексеева (прил.). Автор письма – Ю.К. Гиляров (1924–2005), племянник Г.И. Телегиной, супруги Б.А. Алексеева. Он хорошо знал архитектора и в 1980-е гг. активно занимался изучением его творчества и реабилитацией. Гиляров одним из первых обратил внимание на проекты Алексеева начала 1930-х гг., которые в конце XX в. приписывались другим авторам.

Речь идет о фотокопиях следующих четырех проектов с подписями Б.А. Алексеева: перспектива и боковой фасад здания санчасти ОГПУ (1933)³, главный фасад и интерьер игрового зала спортклуба «Динамо» им. В.Р. Менжинского (1933)⁴ и перспектива дома-комбината ОГПУ (без даты)⁵ (рис. 10, 11).

Рис. 10. Проект санитарной части ОГПУ в Новосибирске. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев.

Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК. 1933. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

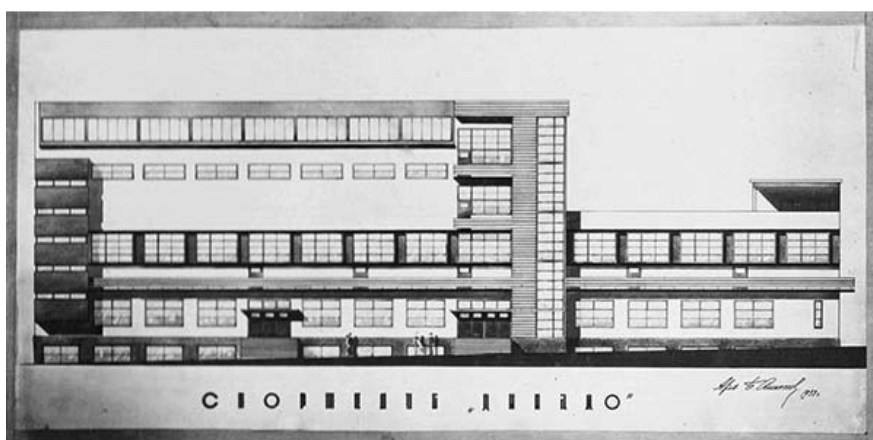

Рис. 11. Проект спортивного клуба «Динамо» в Новосибирске. Главный фасад. Арх. Б.А. Алексеев.

Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК. 1933. Источник: ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 1об.

Проекты относятся ко времени работы Алексеева в проектное бюро ПП ОГПУ и, как правило, связываются с именем заведующего этим бюро – известным архитектором Б.А. Гордеевым.

Между тем, на этих проектах такие же крупные и отчетливые подписи Алексеева, как и на проектах, выполненных им в других проектных организациях, где его авторство никем не оспаривалось. Вопрос очевиден – почему проекты, имеющие аналогичные графику и подписи, делятся на две категории: для одной авторство Алексеева сомнений не вызывает, а для второй – игнорируется? Тот факт, что на проектах, авторство которых обычно приписывается Гордееву, стоит подпись другого архитектора, до сих пор не получил всестороннего освещения и объяснения в научной литературе [4, с. 103–104; 5, с. 92–93, 132–135; 6].

Никак не объяснена и фотография из личного архива Алексеева, запечатлевшая выставку проектов двух архитекторов проектного бюро ПП ОГПУ: слева – неизвестный архитектор, справа – Алексеев (рис. 12а). На фотографии хорошо видны проекты с подписями Алексеева: санчасть ОГПУ (боковой фасад и перспектива) и спортклуб «Динамо» (главный фасад и интерьер игрового зала). Так как на оригиналах этих фотокопий стоит 1933 г., то выставку и фотографию можно датировать этим годом.

Хорошо известно, что другие архитекторы Новосибирска того времени, например А.Н. Ширяев, также фотографировались на фоне своих проектов (рис. 12б), причем их авторство до сих пор никем не оспаривалось.

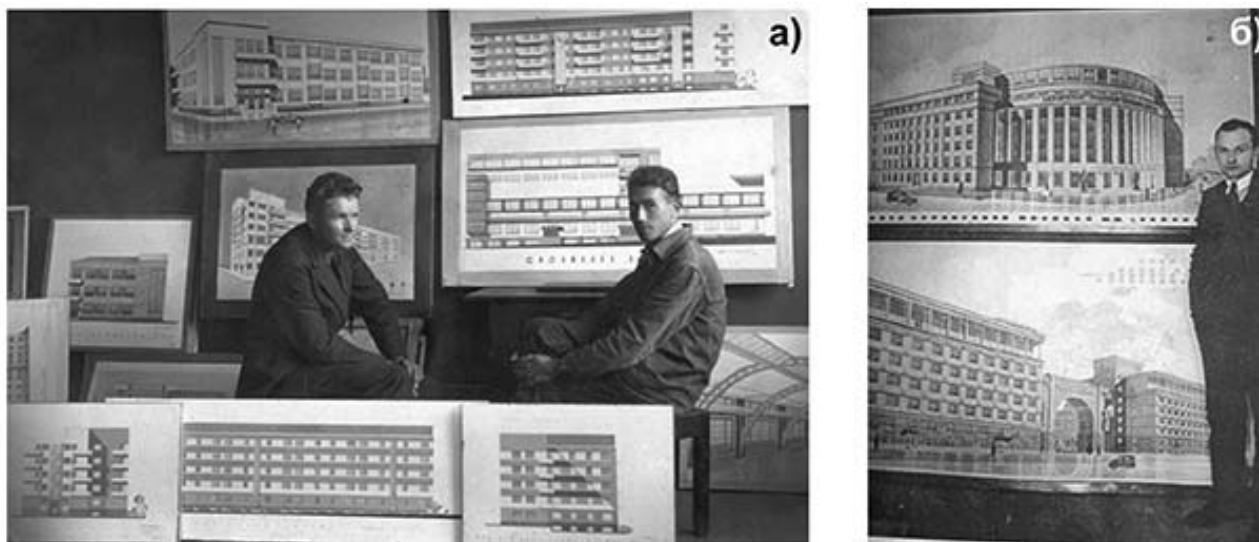

Рис. 12. Архитекторы со своими проектами: а) В.А. Добролюбов и Б.А. Алексеев. Фото 1933 г.

Источник: Алексеева М.Б. Личный архив; б) А.Н. Ширяев. Фото 1934 г.

Источник: Жилой дом (ул. Урицкого, 17) [Электронный ресурс] – URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=50>

Несмотря на то, что Гиляров не был архитектором и тем более историком архитектуры, он с методологической точки зрения очень грамотно поставил вопросы об авторстве работ и раскрыл противоречие между первоисточниками (документами 1930-х гг.) и дошедшей до наших дней устной традицией. Сегодня его аргументация не только не устарела, но, напротив, может быть подкреплена новыми данными.

Достаточно сказать, что до сих пор не выявлен архив проектного бюро ПП ОГПУ. Нет списков работавших там архитекторов и сведений о занимаемых ими должностях, выполненных проектах и т.д.

Все сведения, известные на сегодняшний день об этом проектном бюро, происходят, прежде всего, из личных архивов работавших там строителей и архитекторов.

Таковы личные фонды начальника Строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК В.В. Козлова⁶ и архитектора К.К. Леонова⁷, ныне хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО). Ряд фотокопий проектов проектного бюро ПП ОГПУ хранятся в Музее истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина⁸.

Важный источник – материалы личного архива архитектора Б.А. Алексеева. Здесь представлены фотокопии проектов 1930-х гг., выполненные Алексеевым акварели и фотографии, в том числе реализованных построек, проектные принадлежности, которыми он работал (инструменты, шаблоны шрифтов и т.д.), личные документы (письма) и др. [1; 2, с. 296-297, 308]. В 2014 г. были изданы воспоминания супруги Б.А. Алексеева – инженера-проектировщика Г.И. Телегиной [2].

Необходимо учитывать специфику сохранившихся материалов, их фрагментарность. Так, Леонов посвятил воспоминания не проектному бюро, а своему учителю, Гордееву, «под непосредственным руководством» которого с августа 1931 г. по май 1933 г. там работал. При этом, как пишет Леонов, «все, мной написанное, безусловно, не претендует на бесспорность суждений и полноту охвата творчества Бориса Александровича Гордеева»⁹. Поэтому, например, «о творче-

ской деятельности арх. С.П. Тургенева следует писать особо, у него своя большая творческая биография»¹⁰.

Цель данной статьи – осветить неизученные вопросы проектов Алексеева, которые были разработаны им сразу после приезда в Новосибирск, в 1933 г., в проектное бюро ПП ОГПУ.

Ленинградский архитектурный авангард

В данном случае проблема шире одного лишь вопроса об авторстве проектов. Не менее важен вопрос о влиянии ленинградского авангарда на архитектуру Новосибирска начала 1930-х гг.

Хорошо известно, что Гордеев и Тургенев были выпускниками Московского высшего технического училища (МВТУ). Наибольшее влияние на их творческие взгляды оказали их учителя – лидеры советского конструктивизма – братья Веснины¹¹.

Алексеев же, напротив, был представителем ленинградской архитектурной школы, влияние которой в его творчестве представляется вполне закономерным и органичным.

В связи с этим показательны ленинградские черты в рассматриваемых проектах Алексеева (рис. 13, 14). Например, «игра» вертикалей и горизонталей, а также различных фактур на фасаде спортклуба «Динамо» и в целом заостренная динамика его композиции не имеют аналогов в творчестве братьев Весниных, но зато типичны для ленинградского авангарда. Последнему были присущи полные динамизма композиции и образная экспрессия: «резкая асимметрия частей, форсированный ритм горизонталей и вертикалей» [7, с. 106-107; 8, с. 92, 113, 114].

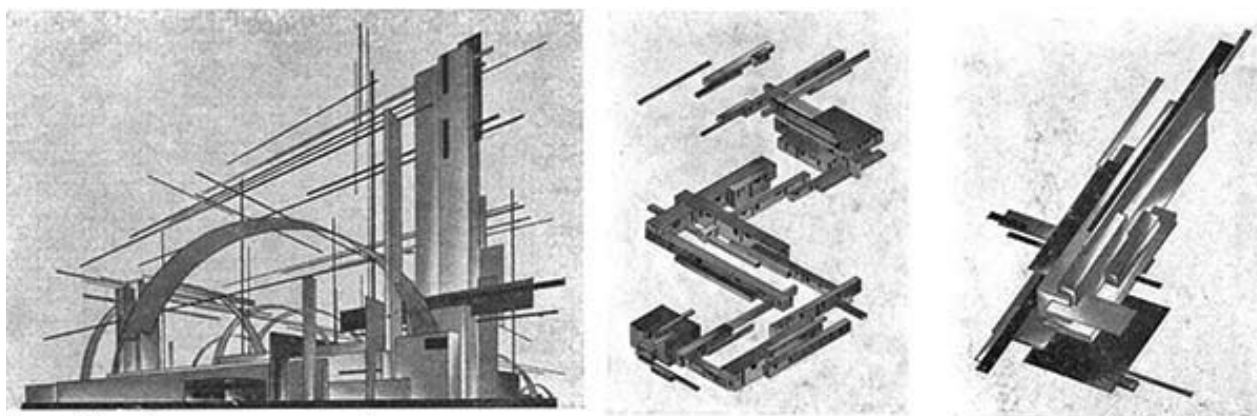

Рис. 13. Архитектурные фантазии лидера ленинградского авангарда – арх. Я.Г. Чернихова. 1930.
Источник: Черников Я.Г. Основы современной архитектуры. Экспериментально-исследовательские работы. – Л.: Изд-во Ленингр. о-ва архитекторов, 1930. – С. 92, 113, 114

Дом-комбинат ХОЗО ОГПУ сохранился практически в первозданном виде. Однако на основе натурных обследований и чертежей фасадов архитектора Добролюбова, хранящихся в фонде Леонова (рис. 15), понять замысел этого комплекса трудно. Объемно-пространственная композиция кажется слишком сложной, здание раздробленным и измельченным, все его части одинаковыми, а главный объем – не выявленным.

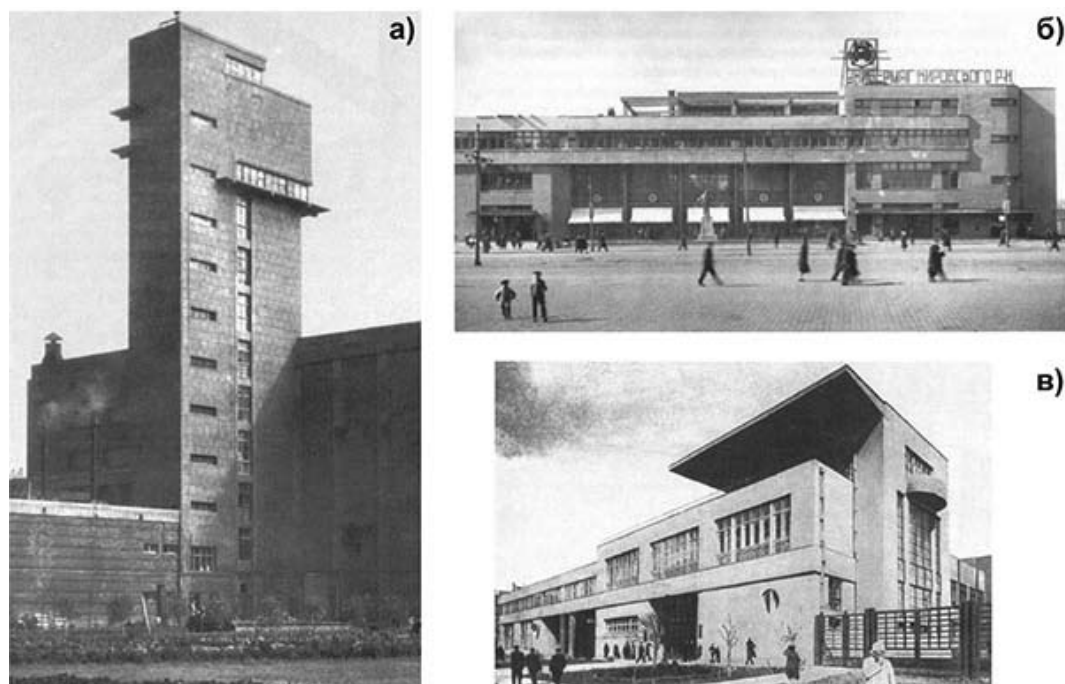

Рис. 14. Динамика в архитектуре Ленинграда начала 1930-х гг.: а) Мясокомбинат им. С.М. Кирова. Арх. Н.А. Троцкий, Р.Я. Зеликман, Б.П. Светлицкий, инж. А.З. Ротшильд, Я.И. Зеликман. 1931–1933 гг. Фото 1930-х гг.; б) Универмаг и фабрика-кухня Кировского района. Арх. А.К. Барутчев, И.А. Гильтер, И.А. Меерзон, Я.О. Рубанчик, 1929–1931 гг. Фото 1938 г.; в) Фабрика-кухня Выборгского района. Арх. А.К. Барутчев, И.А. Гильтер, И.А. Меерзон, Я.О. Рубанчик. 1929–1930 гг. Фото 1930-х гг. Источник: Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Архитектура ленинградского авангарда: путеводитель. – СПб.: Коло, 2008. – С. 187, 107, 221

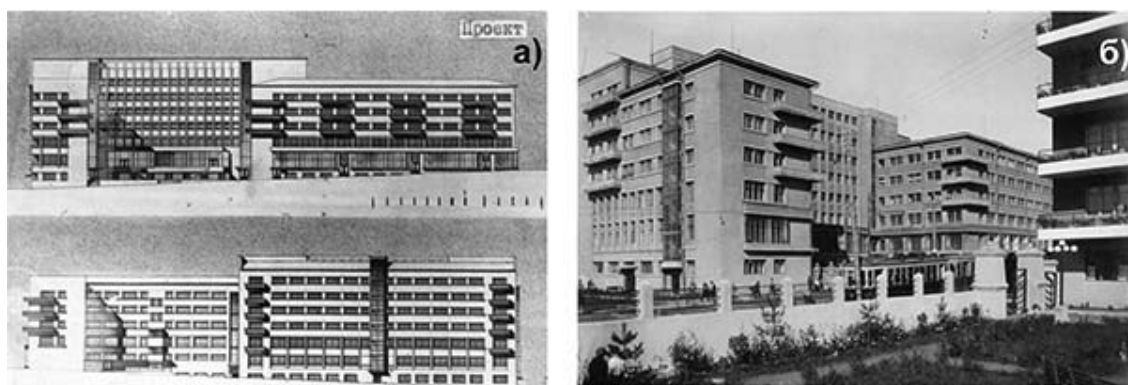

Рис. 15. Дом-комбинат ХОЗО ОГПУ в Новосибирске: а) проект: главный и боковой фасады. Арх. В.А. Добролюбов. Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК. 1933. Источник: ГАНУ. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 10. Л. 23; б) Общий вид. Фото 1930-х гг. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 50. Фото 3

Совершенно иначе выглядит дом-комбинат на перспективе Б.А. Алексеева (рис. 16). Здесь он типичный «ленинградец»: центральная ажурная пластина с фланкирующими ее (наподобие «кушей») массивными лестничными башнями (рис. 17). Последние имеют гладкие поверхности и увенчаны металлическими мачтами-антеннами.

В варианте Алексеева каждый объем имеет свои членения (пластическую тему) и цветовое решение: вертикальные ребра центральной пластины, гладкие поверхности и вертикальные витражи лестничных башен, горизонтальные членения более темных боковых крыльев и т. д. Благодаря этому выявлена структура объемно-пространственной композиции в целом.

Рис. 16. Проект дома-комбината ХОЗО ОГПУ в Новосибирске. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев. Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК, 1933(?). Источник: Алексеева М.Б. Личный архив

Выявление композиционной структуры (при помощи членений и цвета) также характерно для ленинградского авангарда, формировавшегося на базе супрематизма и рационализма. Для конструктивистских произведений братьев Весниных, напротив, характерны монохромность и то, что критически настроенные современники называли «коробчатым стилем».

На перспективе Алексеева совершенно ясен и объемно-пространственный замысел здания. Основная идея: симметричный курдонер, который выделен вертикальной пластиной, горизонтальным эркером и фланкирован парными лестничными башнями и угловыми балконами. На сохранившихся в фонде Леонова в ГАНО фасадах Добролюбова такой композиционной ясности нет – там графически все почти одинаково.

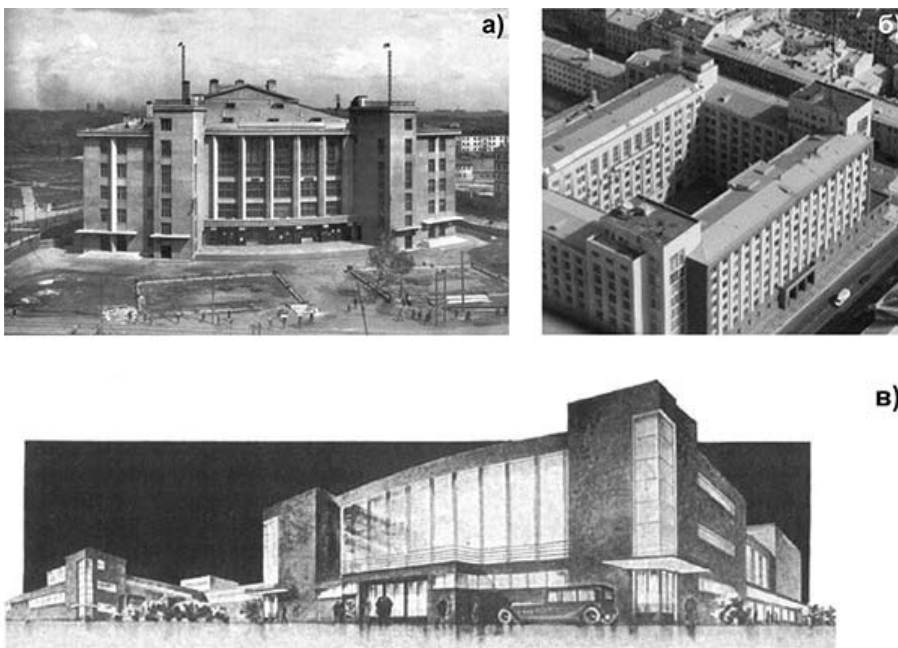

Рис. 17. Прием курдонера и парных башен в архитектуре Ленинграда 1920-х – начала 1930-х гг.: а) Дворец культуры им. А.М. Горького. Арх. А.И. Гегелло, Д.Л. Кричевский. 1925–1927 гг. Фото конца 1920-х гг.; б) здание Управления НКВД. Арх. Н.А. Троцкий, А.И. Гегелло, А.А. Оль. 1931–1932 гг. Современное фото; в) Дом культуры Союза кожевников им. В.П. Капранова. Арх. М.С. Рейзман, 1929–1931 гг. Проект. Перспектива. Источник: Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Архитектура ленинградского авангарда. Путеводитель. – СПб.: Коло, 2008. – С. 95, 298, 175

Фотокопии проектов с подписями Алексеева были известны исследователям еще в конце XX в. Представляет интерес проанализировать, как интерпретировались эти документы в то время.

Сведения К.К. Леонова. К.К. Леонов ничего не пишет об участии Б.А. Алексеева в проектировании дома-комбината ПП ОГПУ, а его роль в разработке двух других проектов определяет следующим образом.

От проекта санчасти ПП ОГПУ (Леонов называет ее на новый манер «санчастью УМВД») известна фотокопия перспективы, один экземпляр которой хранится в личном архиве Алексеева, а второй – в ГАНО, в фонде Леонова. Кроме того, боковой фасад запечатлен на фотографии выставки проектов из личного архива Алексеева.

Из фотокопий следует, что на оригинале перспективы стояло три подписи: подпись Гордеева, большая подпись Алексеева, идентичная его подписям на других проектах, и подпись главного инженера строительного отделения. Несмотря на то, что на перспективе не указано, какую роль играли в разработке проекта подписавшие его люди, Леонов вполне определенно указывает, что этот проект – самостоятельная работа Алексеева¹².

Леонов пишет: «планировку и архитектурное решение углового здания Санитарной части Министерства Внутренних Дел, расположенного на пересечении улиц Каменской 8 и Коммунистической, выполнил архитектор Борис Иванович Алексеев под руководством арх. Б.А. Гордеева»¹³. Примечательно, что Леонов неправильно именуется Б.А. Алексеева («Ивановичем») и упоминает планировку, которая не представлена среди материалов его фонда в ГАНО.

Куда сложнее обстоит вопрос с проектом спортклуба «Динамо». Если в случае с проектом здания санчасти ОГПУ сохранилась перспектива с тремя подписями, но Леонов называет автором проекта Алексеева, то в случае со спортклубом «Динамо», где фасад подписан одним Алексеевым, Леонов приписывает авторство другому архитектору – Гордееву.

В воспоминаниях Леонова относительно фотокопии спортклуба «Динамо» написано: «Показан главный фасад, графически исполненный архитектором Б.И. Алексеевым»¹⁴. В альбоме фотографий из фонда Леонова в ГАНО под этой фотокопией есть аналогичная по смыслу приписка, судя по почерку, сделанная Леоновым: «Главный фасад с/клуба «Динамо» им Менжинского В.Р. Автор проекта – архит. Борис Александрович Гордеев, 1930 г. Рабочий чертеж гл. фасада исполнил техн. арх. Б. Алексеев, 1933 г.» (рис. 18).

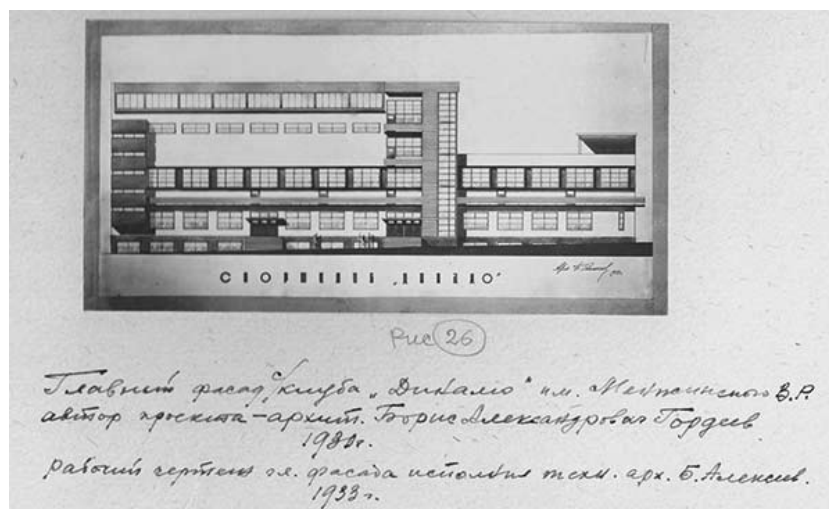

Рис. 18. Лист из фотоальбома проектов в фонде архитектора К.К. Леонова. Оформлен К.К. Леоновым, конец 1980-х гг. Источник: ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 1об.

На первый взгляд, эти сведения разрешают все вопросы: как будто выходит, что Алексеев при проектировании спортклуба выступал как обычный визуализатор наших дней, графически оформлявший проекты Гордеева. Однако, по сути, такая трактовка фотокопий вызывает целый ряд недоуменных вопросов.

Разве разработка проектов ведется не в форме чертежей? Если автором спортклуба является Гордеев, то где чертежи, разработанные и подписанные Гордеевым? Если допустить, что проект разработал Гордеев, то зачем другой архитектор перечерчивал уже готовые проекции и самое главное – подписывал «проект Гордеева» своим именем? Для размножения проектной документации в проектно-отделе ХОЗО ПП ОГПУ был хороший светокопировальный аппарат; об этом свидетельствуют синьки из фонда Леонова.

Поневоле вспоминается анекдотичный диалог об авторстве песни из кинофильма «Волга-Волга» 1938 г.:

- *Просим исполнить песню.*
- *Я не пою.*
- *Тогда сыграйте.*
- *Я не играю.*
- *А как же Вы сочиняете?!*
- *Я, товарищи, ничего не сочиняю! Я правду говорю!*
- *Гражданин, так это Ваша фамилия?*
- *Моя, и бумага моя.*
- *А ноты чьи?*
- *Ноты? Ах, ноты... Нот я не понимаю...*

Естественно, что такой талантливый архитектор, как Гордеев, отлично «знал ноты» и умел зарабатывать проекты в форме чертежей. Тот факт, что рассматриваемые фотокопии хранились не только в личном архиве Алексеева, но и в проектной организации, откуда попали в фонд Леонова, доказывает, что легитимность проекций за подписями Алексеева ни у кого из ведущих специалистов проектного отдела ПП ОГПУ не вызывала сомнений.

Как следует из воспоминаний Леонова, он ничего не знал об Алексееве: не называет его по имени, в тексте перепутаны даже инициалы. При этом воспоминания содержат довольно подробные сведения о молодых проектировщиках, которые закончили Томский сибстрин и Омский худпром. Но о ленинградцах нет даже упоминаний. Почему?

О том, что в Новосибирске начала 1930-х гг. приезжие архитекторы (москвичи, ленинградцы, а тем более иностранцы) и сибиряки, даже работавшие в одних проектных организациях, держались особняком друг от друга, фактически не общались, питались и проводили культурный досуг в разных учреждениях и т.д., пишет в своих воспоминаниях Г.И. Телегина [2, с. 137, 148, 149-150; 9, с. 81].

Соответственно, складывается впечатление, что рассматриваемые сведения Леонова о работе Алексеева – это не свидетельства очевидца, а попытка объяснить постфактум очевидную нестыковку: если автор Гордеев, то почему проект подписан Алексеевым?

Исследования С.Н. Баландина. Иначе подошел к проблеме авторства спортклуба «Динамо» историк архитектуры Сибири профессор С.Н. Баландин. В Музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина, в материалах работ по обследованию и реконструкции спортзала «Динамо», которыми руководил Баландин, нами был обнаружен интересный документ. Так как листы экспозиции фотофонда музея формировались Баландиным, можно предполагать, что документ был выполнен им.

Это эскизно перерисованный с какого-то первоисточника главный фасад спортклуба, под которым закреплена машинописная подпись: «Вариант фасада спортивного клуба «Динамо» 1933 г., осуществленного строительством по проекту техника-архитектора Б. Алексеева» (рис. 19). Ниже помещен еще один эскиз с машинописной подписью: «Боковой фасад спортивного клуба «Динамо». Проект 1932 г. Арх. Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев»¹⁵.

Рис. 19. Иллюстрация из материалов проекта реконструкции игрового зала спортклуба «Динамо». Выполнена и оформлена С.Н. Баландиным. 1989–1990. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 5. Фото 1

В этих же материалах находится лист с фотографией только что построенного спортклуба «Динамо» (рис. 20). Идентичность реализованного решения с проектом, под которым подписался Алексеев, очевидна. Соответственно, выводы С.Н. Баландина представляются логичными и документально обоснованными.

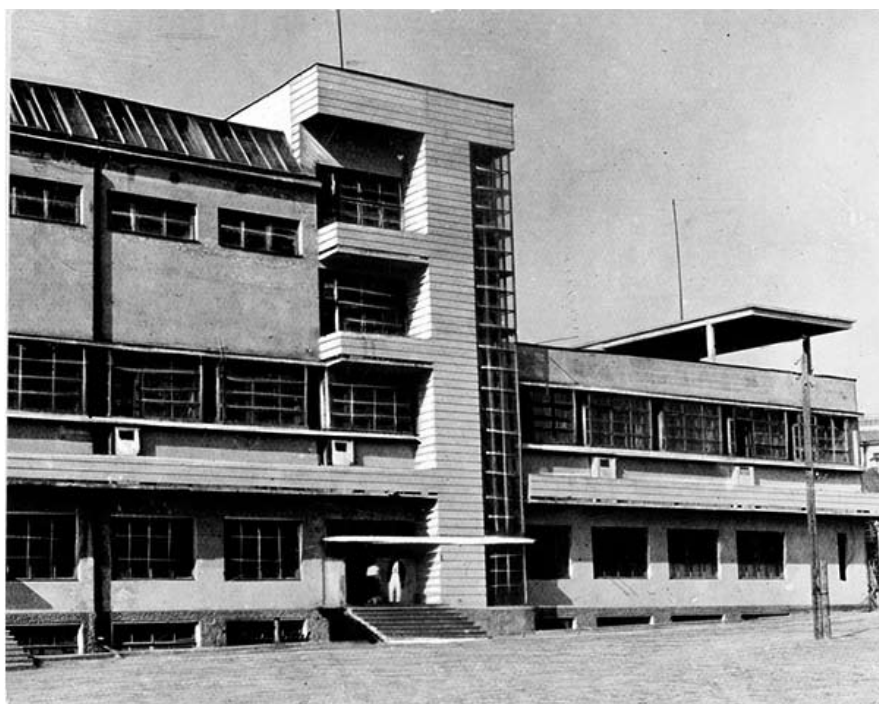

Рис. 20. Спортклуб «Динамо» в Новосибирске. Общий вид после завершения строительства. Фото начала 1930-х гг. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 50. Фото 4

Таким образом, С.Н. Баландин на основе тех же самых первоисточников, которыми располагал и К.К. Леонов, пришел к выводу, что Б.А. Алексеев являлся не оформителем чертежа, а автором реализованного варианта внешнего оформления здания.

Сопоставление подходов исследователей к рассматриваемым проектам обнаружило необходимость полнее осветить следующие два вопроса.

1. Несомненно, что, будучи заведующим проектным бюро, Гордеев так или иначе соприкасался со всеми разрабатываемыми там проектами: при решении административно-организационных вопросов, консультировании и т.д.¹⁶ Леонов так описал царившую там атмосферу: «Бориса Александровича всегда окружала талантливая, творчески способная молодежь, помогая графически претворять принятые Борисом Александровичем решения», при этом «сами молодые архитекторы проектировали и осуществляли строительство своих объектов под его руководством»¹⁷.

Это свидетельствует о тесном профессиональном взаимодействии проектировщиков со своим руководителем. Однако являлся ли начальник проектной организации автором всех выполнявшихся в ней проектов?

2. Очевидно, что к проектной специфике и терминологии 1930-х гг. нельзя подходить с современной меркой. Между тем, озадачивает следующий момент. От рассматриваемых проектов Алексеева 1933 г. известны фотокопии лишь перспектив и фасадов. Вместе с тем, в архиве Леонова хранятся фотокопии рабочих чертежей планов и разрезов спортклуба «Динамо» с подписями их разработчика, Леонова, и датируемые по подписям февралем-мартом 1932 г.¹⁸. Как соотносятся эти документы?

Необходимо разобраться: что понималось под «планом» и «фасадом» в то время, и какое место они занимали в общем процессе проектирования и реализации здания?

Начальник и автор. Очевидно, что разработка проектов в какой-либо проектной организации не означает, что их автором является начальник этой организации.

Так, в штампах многих проектов Новосибирского отделения Горстройпроекта 1930-х гг. архитекторы Л.С. Сивек (руководитель АПМ-5, где работал Б.А. Алексеев) и И.И. Соколов-Добрев (главный архитектор) оставили только одну свою подпись – в качестве руководителей. Однако в тех случаях, когда они были авторами проектов, в штампах стоит по две их подписи (в соответствующих графах): и как начальника подразделения, в котором выполнен проект, и как автора проекта (рис. 9б).

Очень ценны приводимые Леоновым сведения о проектах, авторами которых были другие архитекторы проектного бюро ПП ОГПУ. Леонов пишет, что из-за большой административной нагрузки в 1931–1933 гг., когда Гордеев заведовал проектным бюро, «редко удавалось Борису Александровичу во время рабочего дня надолго самому засесть за доску»¹⁹. Поэтому «к самостоятельной разработке ряда договорных объектов и постоянного наблюдения за их возведением» были привлечены другие архитекторы бюро. В качестве таких самостоятельных авторов Леонов называет архитекторов Б.А. Алексеева (санчасть ОГПУ) и К.М. Лукашевского (краевое управление милиции); кроме того, самостоятельно выполнялся и «ряд других объектов»²⁰.

Таким образом, очевидно, что авторами разрабатываемых в проектном бюро ПП ОГПУ проектов были, кроме Гордеева, и другие архитекторы. Достаточно красноречив и тот факт, что молодому, только приехавшему из Ленинграда Алексееву была поручена самостоятельная работа.

Две стадии проектирования. Архивные документы свидетельствуют, что в 1920-е – 1930-е гг. в новосибирских проектных организациях широко практиковалось разделение проектных работ на две стадии: «план» и «фасад», когда «план делает инженер, фасад – архитектор»²¹. «План» определял объемно-планировочную и конструктивную структуру, «фасад» – внешнее пластическое и цветовое решение, формировавшее окончательный архитектурный образ здания.

Об аналогичном разделении работ на «план» и «фасад» в проектном бюро ПП ОГПУ пишет в своих воспоминаниях и Леонов. Он отмечает, что «в зависимости от значения и сложности проектируемого объекта, участники работы делились на две группы, одна из которых возглавлялась Б.А. Гордеевым, другая – С.П. Тургеневым». Обе группы заранее определяли, «кто более углубленно работает над планировкой, кто над фасадами». Как правило, группа Гордеева работала над планами, так как «в планировке зданий считали Бориса Александровича более сильным», а группа Тургенева – над фасадной частью объекта²².

Это объясняет, с одной стороны, отсутствие планов среди рассматриваемых проектов Алексеева, а с другой – их наличие за подписями инженера Леонова. Чертежи Алексеева относились к «фасадной стадии».

«Фасад» часто разрабатывался в ходе конкурсов, когда строительство (реализация «плана») уже шло полным ходом. Поэтому на «фасадах» (фасадах и перспективах) конца 1920-х – 1930-х гг., как правило, не ставились штампы, они просто подписывались авторами. Именно так, аналогично работам Алексеева, и в этих случаях авторство никем не ставилось под сомнение, подписаны перспективы конкурсного проекта Промбанка (арх. А.В. Швидковский, Г.П. Гольц, 1925) и Управления Томской железной дороги (арх. А.Н. Ширяев, 1934) в Новосибирске²³.

Решение вопроса с авторством и стадиями проектирования в проектном бюро ПП ОГПУ позволяет по-новому проанализировать данные Леонова о ходе проектирования спортклуба «Динамо» и расположенного рядом дома-комбината.

Спортклуб «Динамо». Как пишет Леонов, спорткомплекс «Динамо», состоявший из пяти зданий, был запроектирован Гордеевым и Тургеневым в 1931 г. В работе над ним «приняли участие наряду с Б.А. Гордеевым, С.П. Тургеневым многие архитекторы группы и инженеры ряда специальностей»²⁴.

Показательны сведения Леонова о проектировании и строительстве спортклуба «Динамо» им. В.Р. Менжинского (1932–1933 гг.), одного из пяти зданий спорткомплекса.

Леонов отмечает важный факт: существовало два варианта спортклуба им. В.Р. Менжинского. Касаясь их различий, он акцентирует внимание на том, в чем участвовал сам: на переработке объемно-конструктивного решения игрового зала.

Во-первых, по предложению самого Леонова, лично обратившегося к Гордееву, деревометаллические фермы перекрытия были заменены на деревянные арки. По требованию Гордеева

Леонов провел своеобразный «конкурс» своих вариантов, один из которых и был принят к реализации²⁵.

Во-вторых, вместо предлагавшихся первоначальным эскизным проектом пяти поперечных световых фонарей был осуществлен один продольный, треугольный в сечении, световой фонарь. Это решение было более рациональным с конструктивной и строительной точек зрения и в большей мере отвечало суровым климатическим условиям Сибири. Однако автора идеи переработки светового фонаря, как, впрочем, и архитектора, разработавшего интерьер игрового зала, Леонов не называет²⁶.

Судя по фотокопиям рабочих чертежей из фонда Леонова, переработка конструкций светового фонаря и перекрытий игрового зала относится к 1932 г.²⁷. В штампах этих чертежей стоят подписи Гордеева и Леонова: на плане 2-го этажа и продольном разрезе игрового зала, а также на поперечном разрезе главного объема спортклуба²⁸.

На фотокопиях планов первого варианта²⁹, который Леонов называет «эскизным проектом» и относит к 1930–1931 гг., штампы и подписи отсутствуют.

Показательно, что если для первого варианта внешнего оформления спортклуба сохранились фотокопии аксонометрии и фасадов главного объема и игрового зала (в фондах Леонова и Козлова)³⁰, то от второго варианта, с продольным фонарем, никаких архитектурных проекций и их фотокопий в этих фондах не представлено. Продольный световой фонарь присутствует только на разрезе игрового зала 1932 г., выполненного Леоновым, и на двух перспективах игрового зала 1933 г., выполненных Алексеевым.

Интересно, что, судя по сохранившимся фотокопиям, внешнее оформление главного объема спортклуба «Динамо» им. В.Р. Менжинского также имело два варианта: 1932 и 1933 гг. (рис. 21). Подписи автора, разработавшего первоначальный вариант фасадов спортклуба (главного объема и игрового зала) на сохранившихся фотокопиях 1932 г. отсутствуют (рис. 21а). Реализованный вариант 1933 г. подписан Алексеевым (рис. 21б).

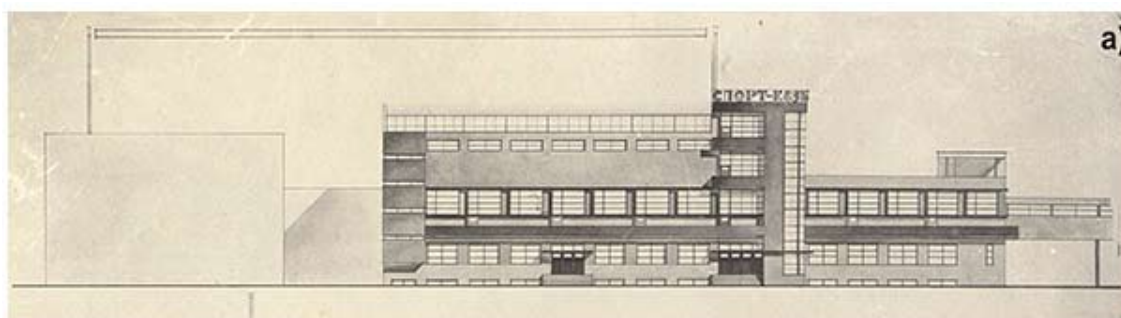

Рис. 21. Проект спортклуба «Динамо» им. В.Р. Менжинского в Новосибирске. Главный фасад. Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК: а) вариант 1932 г. Источник: ГАНУ. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28. Л. 14; б) реализованный вариант 1933 г. Арх. Б.А. Алексеев. Источник: ГАНУ. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 1об

Анализируя отличия вариантов, необходимо учитывать, что в 1933 г. строительство спортклуба уже шло полным ходом и, естественно, изменения можно было внести лишь в детали и отделку, а не в конструктивную и объемно-пространственную структуру здания.

На первый взгляд, второй вариант отличается от первого чисто технически: упорядочен и стандартизован рисунок переплетов витражей и окон, учтено падение рельефа, чуть стройнее стала главная лестничная башня, взято другое направление освещения и т.п. Отсутствие перехода по второму уровню (в клуб им. Ф.Э. Дзержинского) и объема бассейна может быть объяснено тем, что они относились ко второй очереди строительства. Однако, с точки зрения концепций советского авангарда, вариант Алексеева демонстрирует иной подход к архитектуре³¹.

В варианте 1932 г. есть характерные конструктивистские черты: инженерные элементы (информационная надпись, мачты с антенной) и выделение так называемого «функционального каркаса» (лестничных клеток и галереи первого этажа) другим цветом. Повторы приемов и монохромность цветового решения придают фасаду некоторое однообразие и присущий конструктивизму промышленный характер архитектуры.

Напротив, вариант 1933 г. лишен инженерных элементов и решен более живописно. Алексей не побоялся по-разному решить одинаковые по функции элементы. Объем главной лестничной башни и ограждение наружной галереи обработаны рустом. Увеличено число световых щелей в эркере второй лестницы, который зрительно стал легче, окрашены темным простенки второго этажа. Этим была организована эффектная композиционная «игра» горизонтальных и вертикальных ритмов: членений эркера и простенков, лестничной башни и галереи (ср. рис. 14а, 14б). Здание стало полихромным, а разнообразие фактур и более светлый тон покраски основного объема придали ему жизнерадостный, мажорный облик.

Таким образом, имея крайне ограниченные возможности, Алексей смог предложить альтернативный вариант внешнего оформления спортклуба. Сегодня эти изменения могут показаться незначительными, но для авангардистов разных школ начала 1930-х гг. они были принципиальными: хорошо известна борьба конструктивистов и рационалистов, которые по-разному трактовали различные стороны новой архитектуры – проблему формы, членений, цвета и т. д. [10, с. 8–9; 11, с. 5, 42; 12, с. 496, 500].

Рассмотренные материалы свидетельствуют, что проект спортклуба «Динамо» им. В.Р. Менжинского постоянно совершенствовался: одни решения и элементы заменялись другими, вторые исчезали, появлялись третьи.

Как следует из фотокопий проектов, у клуба им. Ф.Э. Дзержинского (главного объема спорткомплекса) также существовало два варианта внешнего оформления³². Было переработано в ходе проектирования и первоначальное объемно-конструктивное решение водного бассейна³³. Показательно, что среди сохранившихся фотокопий проектов строительного отдела ХОЗО ПП ОГПУ, есть проекты, подписанные не Гордеевым, а другими архитекторами. Таковы перспектива 100-квартирного дома ПП ОГПУ с подписью архитектора И.Т. Воронова³⁴, проект патологоанатомического корпуса (фасады, планы, разрез) с подписями архитектора Н.М. Фукина³⁵.

Таким образом, Леонов и Алексей, предложившие и реализовавшие собственные варианты проектных решений для спортклуба «Динамо», не были исключением.

Видимо, не будет большой ошибкой предположить, что история с вариантом внешнего оформления спортклуба «Динамо», разработанного Алексеевым, могла сложиться примерно так же, как и история с вариантом конструктивного решения игрового зала, предложенного Леоновым.

Молодой, только что приехавший из Ленинграда архитектор с великолепной архитектурно-графической подготовкой, которой славился ЛИИКС, был направлен на разработку «фасадов» спортклуба. И так же, как и Леонов, Алексеев предложил «лучшее» (по терминологии Леонова) решение. Обосновал его графически и получил поддержку курировавшего «фасады» Тургенева. После этого вариант Алексеева пошел в реализацию и соответственно был размножен в фотокопиях для практических нужд.

К 1933 г. конструктивизм находился в состоянии кризиса и подвергался жестоким нападениям за невыразительность своей «индустриальной» архитектуры [12, с. 494]. Поэтому, быть может, не случайно в архиве проектного бюро сохранился вариант Алексеева. Для Гордеева и Тургенева это был положительный пример иного, более живописного подхода к архитектурной форме, имеющего в качестве основы авангард, а не отрицаемое обоими классическое наследие.

Характерные для ленинградского авангарда приемы присутствуют и в других работах Алексеева, выполненных в период его работы в проектном бюро ПП ОГПУ.

Интерьер игрового зала. Совершенно не был затронут в научной литературе вопрос авторства интерьера игрового зала спортклуба. Между тем, материалы 1930-х гг. свидетельствуют, что это была во всех отношениях примечательная работа.

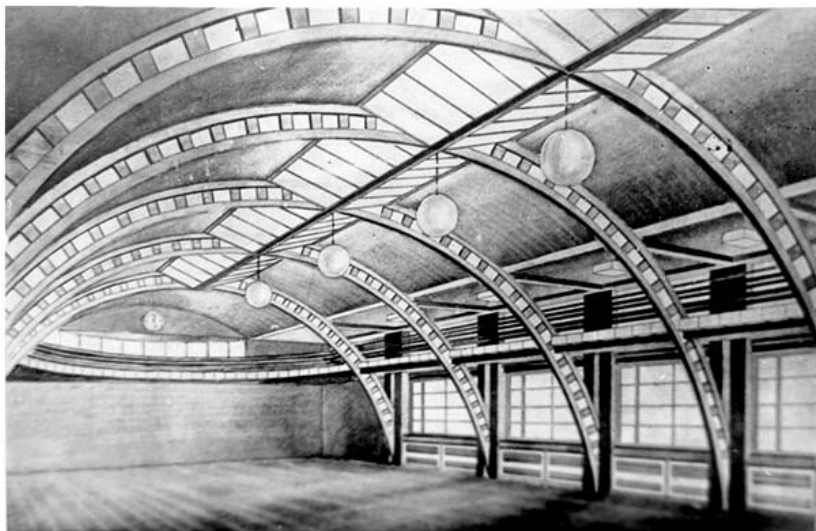
Интерьер разрабатывался в два этапа: в 1932 г. было предложено окончательное объемно-конструктивное решение, в 1933 г. – архитектурное.

В альбоме Козлова, датируемого декабрем 1932 г., фотокопий интерьеров игрового зала нет, но представлены фотокопии аксонометрий и фасадов спортклуба, относящихся к первому варианту (с поперечными фонарями), и фотографии процесса строительства игрового зала. Хорошо видны деревянные арки, предложенные Леоновым.

В фондах Леонова и Алексеева хранятся две идентичные фотокопии интерьера игрового зала с видом на главный вход (рис. 22). Примечательно, что оригинал этого планшета запечатлен на фотографии выставки архитекторов 1933 г. из личного фонда Алексеева (рис. 12а).

Рис. 22. Проект спортклуба «Динамо» в Новосибирске. Интерьер игрового зала. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев. Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК. 1933. Источник: ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 5

*Рис. 23. Проект спортклуба «Динамо» в Новосибирске. Интерьер игрового зала. Перспектива. Арх. Б.А. Алексеев.
Проектное бюро строительного отдела ПП ОГПУ по ЗСК. 1933. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 16. Фото 1*

*Рис. 24. Игровой зал спортклуба «Динамо» в Новосибирске. Общий вид. Фото 1933 г.
Источник: Алексеева М.Б. Личный архив*

Соответственно, можно считать, что автором интерьера был именно Алексеев, а архитектурное оформление игрового зала разрабатывалось уже в ходе строительства, в полном соответствии со спецификой двухэтапного проектирования того времени.

В Музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина хранится еще одна фотокопия интерьера – с видом в противоположный конец игрового зала (рис. 23). Она аналогична по графике и точке перспективы, соответственно, можно предполагать, что ее автором также был Алексеев³⁶.

Кроме того, в фондах Леонова и Алексеева есть фотографии игрового зала сразу после завершения строительства. Это снимки одной серии (судя по расстановке предметов в зале, формату и абрису рамок фотографий)³⁷. В фонде Алексеева этих фотографий больше и представлены самые важные точки (общий вид зала и продольного фонаря), которых нет в фонде Леонова (рис. 24).

Интересные результаты дает сопоставление обеих фотокопий и фотографий с натуры. На фотокопии из МИАС им. С.Н. Баландина (рис. 23) изображены ряды светильников («шаров» и «клавиш»), которых совершенно нет на первой фотокопии (рис. 22). На фотографиях с натуры

видно, что в ходе реализации уязвимая стеклянная арматура светильников была заменена на небьющиеся экраны с сетками (рис. 24).

Полосатая раскраска этих небольших, почти дизайнерских, элементов ярко высвечивает идею самого интерьера – он тоже сплошь полосат. Полосатые арки, световой фонарь и арматура светильников, несомненно, ассоциируются со спортивными куртками 1920-х – 1930-х гг., также имевшими вертикальные полосы. Раскрывающиеся в перспективе арки, словно движутся, «дышат», чем создается эффект живого, динамичного пространства³⁸. К такому «мобилизующему» на активную игру залу невозможно остаться равнодушным (рис. 24).

Дом-комбинат ОГПУ. О проектировании дома-комбината ОГПУ Леонов пишет следующее: «Подлинник проекта подписан Б.А. Гордеевым и техником-архитектором В.А. Добролюбовым, выполнившим графическую часть проекта»³⁹. Проект Добролюбова Леонов относит к 1931-1932 гг.⁴⁰. В прилагаемом к воспоминаниям фотоальбоме представлена фотокопия фасадов дома-комбината ПП ОГПУ с обрезанными подписями (рис. 15а).

Интересно, что планшет с этими фасадами запечатлен и на фотографии из личного архива Б.А. Алексеева, где представлена выставка работ архитекторов проектного бюро ПП ОГПУ (рис. 12а). Сопоставление фотокопии и фотографии позволяет выдвинуть ряд интересных предположений.

На планшете, который стоит во втором ряду, слева от неизвестного архитектора, видна верхушка главного фасада дома-комбината, запечатленного на фотокопии из фонда Леонова. От фасада на фотокопии он отличается скатами: дочерчен и закрашен скат на левом крыле и закрашен скат на правом крыле здания. Непосредственно за неизвестным архитектором (в третьем ряду снизу) стоит планшет с перспективой дома-комбината: внизу видно окончание «ат» от слова «дом-комбинат». Подпись внизу планшета похожа на подписи В.А. Добролюбова на других его проектах и отличается от подписи Алексеева. Решение дома-комбината на перспективе и фасадах идентично: он монохромный, без мачт-антенн.

Таким образом, перед нами проект архитектора Добролюбова. Соответственно, можно с большой долей уверенности предполагать, что неизвестный архитектор слева от Алексеева, это Добролюбов, а фотография запечатлела совместную выставку их работ в 1933 г. Вариант Добролюбова отличается от варианта Алексеева не только архитектурой, но и точкой перспективы. У Алексеева точки перспектив спокойные, а у Добролюбова взят очень острый ракурс, в данном случае соответствующий реальному обзору здания с затесненной ул. Серебренниковской.

В связи с участием Алексеева в проектировании дома-комбината и спортклуба показательно, что согласно сведениям Леонова, оба объекта строились одними и теми же специалистами⁴¹.

Так как сегодня здание имеет монохромное, в стиле графики Добролюбова, решение, возникает вопрос о том, как складывалась судьба варианта Алексеева.

Почему на фотографии выставки нет варианта дома-комбината Алексеева (рис. 16)? Означает ли это, что перспектива Алексеева была создана позже или раньше варианта Добролюбова? Почему вообще потребовалось создавать варианты внешнего оформления дома-комбината? Был ли в связи с этим в проектном бюро проведен внутренний конкурс вариантов, аналогичный тому, о котором написал Леонов? Увы, пока ответить на эти вопросы не представляется возможным.

Видимо, не случайно в своем письме Гиляров особо упоминает Добролюбова, который, очевидно, работал с Алексеевым и мог о нем рассказать.

Выводы

Анализ архивных материалов, связанных с рассматриваемыми проектами архитектора Б.А. Алексеева, позволяет сделать следующие выводы.

1. Организация проектных работ в проектном бюро строительного отделения ХОЗО ПП ОГПУ по Западносибирскому краю в начале 1930-х гг. была гораздо сложнее, чем представлялось до сих пор.

Во-первых, проектирование даже одного объекта часто разбивалось на ряд стадий, которые, как правило, поручались разным архитекторам, имеющим соответствующую профилю работ подготовку. Наиболее важными были две стадии: «план» (объемно-конструктивное решение) и «фасад» (пластическое и цветовое решение).

Во-вторых, проекты постоянно совершенствовались. Поэтому «план» и «фасад», как правило, имели несколько вариантов решений, авторами которых выступали разные архитекторы. В результате варианты отличались не только архитектурными подходами, но и графическими приемами и оформлением.

В случае, когда разные стадии и варианты разрабатывались разными архитекторами, отсутствует и тот «единый» автор, который бы единолично проектировал объект от начальной идеи «плана» до окончательного решения «фасада».

2. Авторами проектов выступали многие работавшие в проектном бюро архитекторы (Б.А. Алексеев, И.Т. Воронов, В.А. Добролюбов, С.П. Тургенев, Н.М. Фукин и др.), а не только его начальник, архитектор Б.А. Гордеев. Архитекторы разрабатывали проекты и отдельные части проектов («планы», «фасады») и не боялись выдвигать варианты их объемно-конструктивных и архитектурно-планировочных решений. Таким образом, перед нами предстает не безликая масса, обслуживавшая реализацию идей начальника, а коллектив талантливых и инициативных проектировщиков.

3. Проекты внешнего архитектурного оформления зданий санитарной части ОГПУ, дома-комбината ОГПУ, спортклуба «Динамо» и интерьера игрового зала последнего были разработаны архитектором Б.А. Алексеевым.

На соответствующих фотокопиях запечатлены авторские проекты Алексеева, а не оформленные им чертежи или «изображения» чужих проектов.

Варианты Алексеева были связаны с идеями ленинградского архитектурного авангарда и оказались более эффектными по архитектуре, чем первоначальные решения, предложенные другими архитекторами-конструктивистами.

Благодаря этому варианты Алексеева (как в случае со спортклубом «Динамо») часто оказывались окончательными и шли в реализацию.

Показательно также, что авторство Алексеева не противоречит данным об организации архитектурного проектирования в новосибирских проектных организациях того времени и сведениям о ходе проектирования этих объектов, представленным в воспоминаниях Леонова.

Приложение

Гиляров, Ю.К. Письмо к Г.И. Телегиной, 24 ноября б/г. – Л. 1-2об. Источник: Алексеева М.Б. Личный архив.

Примечание. Необходимо учитывать, что документ является личным письмом. Оно не было предназначено для публикации в печати и не ставило задачу всесторонне научно осветить затронутые в нем вопросы. Автор письма стремился наиболее точно передать события поездки в Новосибирск, диалоги и свои впечатления. Писал на основе известной ему в то время информации. Показательна разобщенность архитектурного сообщества Западной Сибири, отраженная в письме, которая дает о себе знать и в наше время. В Новосибирске ничего не знают о Б.А. Алексееве и А.Н. Ширяеве, а в Томске – о новосибирских архитекторах: К.К. Леонове и др. При подготовке документа к печати в квадратных скобках были добавлены необходимые уточнения и убраны личные отступления. Выделения в тексте сделаны автором письма.

Корпус игрового зала сгорел в июле 1989 г., поэтому примерная датировка письма – 1989-1991 гг. «Баба Галя [Галина Ивановна Телегина]!

Кое-как поймал я ответственную даму из Охраны Памятников.

И поговорил.

- Откуда Вы взяли, что спорткомплекс «Динамо» проектировали Гордеев Б.А., Тургенев [С.П.] и конструктор Никитин [Н.В.]?

- Как же, об этом нас поставил в известность кандидат архитектуры Леонов Конст[антин] Конст[онстантинович]. Вот его статья в В[ечернем] Новосибирске.

Кстати и дом Хозкомбината и др. здания – это тоже [проекты] его группы.

Вот и несколько фотографий из его коллекции.

И показывает мне фото 1-2 из имеющихся у нас.

Я говорю, а почему вот здесь (на их копии), подпись «Арх. Алексеев».

А мне поясняют: «Техник-архитектор Алексеев – автор ФАСАДА, а не всего проекта».

Тогда я им выложил весь набор фотографий и они чуть не упали от восторга.

- Да это же, – да мы же сейчас.

- Где фотограф – мы их переснимем, мы Вам уплатим и пр. и пр.

Я все сложил в конверт и сообщил, что не за тем я принес, чтоб у меня перефотографировали.

Но им нужно для восстановления здания после пожара.

Я порекомендовал обратиться к тем лицам, коих считают они авторами проекта. (кстати, Добролюбов [В.А.] умер года три назад).

А я готов эти фотографии дать в том случае, если официально будет признано, что автор проекта – арх. Б.А. Алексеев и об этом будет указано на мемориальной доске.

Она слегка взвыла и сказала, что согласна видеть его в составе авторской группы.

Я говорю – не вижу подписей никакой авторской группы. Он все один делал.

Документы? – а [разве] бывает, что архитектор фотографируется на фоне чужих проектов?

У меня это документ. А у Вас какие [документы] кроме газетной статьи некоего Леонова.

На том и расстались.

Она взялась звонить [...] – Галактионову Ивану Владимировичу. Тот якобы в Сибстройпути работал в 30-е годы.

Я им пожелал успеха. Оставил свой телефон. На предложение продать фотографии сказал, что они – не мои и прав на них я не имею.

Тут еще вывернулся искусствовед от архитектуры, радостно мне сообщил, что он сейчас за 15 минут может все перефотографировать. Вроде это меня должно привести в восторг.

Но я пояснил, что интересы у нас в данном вопросе не совпадают.

Но, похоже, этот, как, впрочем, и те, заинтересовались и даже зашевелились.

Вот так. Знаешь ли ты Леонова К.К., Галактионова И.В.[?]

Был ли Боба [Б.А. Алексеев] «техником-архитектором» когда-нибудь[?].

Писали Вы или нет запрос о нем в Архив Мин[истерства] Обороны[?]. Если нет, я сейчас же напишу.

Про Аркашку Ширяева [А.Н. Ширяева] они понятия не имеют, но я тоже заставил записать и пошарить по архивам, а не вешать на все дома [подряд авторство А.Д.] Крячкова.

[...]

24.XI».

¹ ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 5. Л. 9; ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 30. Л. 21-21об.

³ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 10. Л. 37а, рис. 65; Алексеева М.Б. Личный архив.

⁴ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 10. Л. 19; ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 1об.; Алексеева М.Б. Личный архив.

⁵ Алексеева М.Б. Личный архив.

⁶ Здесь представлен альбом с фотокопиями ряда проектов проектного бюро и фотографиями их строительства на конец 1932 г. См.: ГАНО. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28.

⁷ Здесь представлены тексты воспоминаний К.К. Леонова о периоде работы в проектном бюро ПП ОГПУ и сохраненные им проектные материалы в виде синек и фотокопий. См.: ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 4, 8, 9, 10, 11, 14, 15.

⁸ МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5.

⁹ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

¹⁰ Там же, л. 19.

¹¹ Там же, л. 3–4, 16.

¹² ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 11. Л. 43-44. В фотоальбоме под фотокопией этой перспективы Леонов подписал: «Подписи: Бор. Гордеев. Арх. Б. Алексеев. 1933 г. Машкунов (это гл. инж. стройотделен.)». См.: ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

¹³ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

¹⁴ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.

¹⁵ МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 5. Фото 2.

¹⁶ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 11. Л. 44.

¹⁷ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

¹⁸ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 3об., 4, 4об.

¹⁹ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

²⁰ Там же, л. 43–44.

²¹ ГАНО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

²² ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–18.

²³ МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 69. Фото 1; Л. 44. Фото 1.

²⁴ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 46–47.

²⁵ Там же, л. 47–48.

²⁶ Там же, л. 50.

²⁷ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 4об.

²⁸ Там же, л. 3об.-4об.

²⁹ Там же, л. 2об., 3.

³⁰ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; ГАНО. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28. Л. 13, 14.

³¹ И.В. Невзгодин так пишет об изменениях внешнего облика спортклуба: «В 1933 году во время строительства техник Б. Алексеев во внешнее оформление спортклуба «Динамо» ввел линейный руст в балконные ограждения и в плоскости стен лестничной клетки» [5, с. 132–134]. Между тем, при анализе документов возникает ряд вопросов. Если дело действительно заключалось в таких незначительных изменениях, то почему их не внес в рабочие чертежи сам Гордеев? Почему потребовалось разрабатывать фактически новый вариант внешнего оформления здания (второй вариант «фасада») и поручать это другому архитектору – Алексееву?

³² ГАНО. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28. Л. 25–26.

³³ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³⁴ ГАНО. Ф.Р-1594. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

³⁵ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 10. Л. 38, 38а.

³⁶ На всех фотокопиях с перспективами интерьера игрового зала нет подписей.

³⁷ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 15. Л. 7об.-8об.

38 Смелая «игра» полос, на которой построен яркий образ интерьера, снова приводит нас к ленинградскому авангарду.

³⁹ ГАНО. Ф.Р-2208. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

⁴⁰ Там же, л. 25-26.

⁴¹ Там же.

Библиография

- 1 Алексеев Борис Алексеевич (1908 – дата неизвестна) / Сост. П.Ю. Рачковский, 2016 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://souzarch.tomsk.ru/Alekseev/>
- 2 Телегина, Г.И. Прожитое и пережитое. Книга воспоминаний / Г.И. Телегина. – Томск: Этноформула, 2014. – 320 с.: ил.
- 3 Слабуха, А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири, конец XIX – нач. XXI в.: ил. биограф. словарь: 540 имен / А.В. Слабуха. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 422 с.: ил.
- 4 Баландин, С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.: ил.
- 5 Невзгодин, И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска / И.В. Невзгодин. – Новосибирск: ДЕАЛ, 2013. – 320 с.: ил.
- 6 Архитектор Борис Гордеев. К 110-летию со дня рождения 1903–1943 / Управл. по гос. охране культурного наследия Новосиб. обл., Научно-произв. центр по сохран. ист.-культур. наследия Новосиб. обл. – Новосибирск, 2013. – 50 с.: ил.
- 7 Кириков, Б.М., Штиглиц, М.С. Архитектура ленинградского авангарда. Путеводитель / Б.М. Кириков, М.С. Штиглиц; под общ. ред. Б.М. Кирикова; Правительство Санкт-Петербурга, Комитет по госконтролю, использованию и охране памятников истории и культуры. – СПб.: Коло, 2008. – 384 с.: ил.
- 8 Черников, Я.Г. Основы современной архитектуры. Экспериментально-исследовательские работы. – Л.: Изд-во Ленингр. о-ва архитекторов, 1930. – 127 с.: ил.
- 9 Телегина, Г.И. Ностальгия // Мой Новосибирск: Книга воспоминаний / Авт.-сост. Т. Иванова. – Новосибирск: Детская литература, 1999. – С. 81–89.
- 10 Хазанова, В.Э. Из истории советской архитектуры первых послереволюционных лет (Гражданская архитектура РСФСР). 1917–1925 гг. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1965. – 22 с. – (Ин-т истории искусств).
- 11 Хан-Магомедов, С.О. Психоаналитический метод Н.Ладовского во ВХУТЕМАСе – ВХУТЕИНе. (Объединенные левые мастерские, Психотехническая лаборатория). – М.: Архитектура, 1993. – 199 с.: ил. – (Творческие течения, концепции и организации советского авангарда. Вып. 2).

12. Хан-Магомедов, С.О. Конструктивизм – концепция формообразования / С.О. Хан-Магомедов; Рос. акад. архит. и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства. – М.: Стройиздат, 2003. – 575 с.: ил.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

Статья поступила в редакцию 08.08.2017

Dukhanov Sergey S.

PhD (Architecture), Associate Professor.
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts,
Novosibirsk, Russia, e-mail: ssd613@ngs.ru

UNKNOWN PROJECTS OF THE ARCHITECT B. A. ALEKSEEV IN NOVOSIBIRSK IN THE EARLY 1930s

The article considers the projects of the Leningrad architect B.A.Alekseev developed by him in 1933 in Novosibirsk. The study is based on archival sources. A comparative analysis of the material suggests that B.A.Alekseev was the author of the year 1933 projects under consideration. The ignoring of the materials confirming his authorship was caused by the misunderstanding of the specifics of the architectural design practice in the 1920s – 1930s and scarcity of primary sources. Alekseev's designs display a variety of techniques and features characteristic of the Leningrad architectural school and Leningrad avant-garde.

Key words: *architect B.A.Alekseev, Leningrad architectural school, architectural avant-garde, Western Siberia*

References

2. Telegina, G.I. (2014) A Life Lived and Experienced. A book of memoirs. Tomsk: Etnoformula. (in Russian)
3. Slabukha, A.V. (2004) Architects of the Yenisei Siberia, late 19th – early 21st century. Moscow: Progress-Traditsiya. (in Russian)
4. Balandin, S.N. (1978) Novosibirsk. Planning History of 1893-1945. Novosibirsk: West.-Sib. Book Publishing House. (in Russian)
5. Nevzgodin, I.V. (2013) Constructivism in Novosibirsk Architecture. Novosibirsk: DEAL. (in Russian)
6. Architect Boris Gordeyev. For the 110 anniversary from the date of birth 1903–1943. Novosibirsk Regional Department of State Heritage Conservation, the Research and Production Heritage Conservation Center of Novosibirsk Region. Novosibirsk, 2013. (in Russian)

7. Kirikov, B.M, Shtiglits, M.S. (2008) The Architecture of Leningrad Avant-Garde. Saint-Petersburg: Kolo. (in Russian)
8. Chernikhov, Ya.G. (1930) Foundations of Modern Architecture. Experimental research works. Leningrad: Leningrad Society of Architects. (in Russian)
9. Telegina, G.I. (1999) Nostalgia. In: Ivanova, T. My Novosibirsk: A Book of Memoirs. Novosibirsk: Detskaya Literatura, p. 81–89. (in Russian)
10. Khazanova, V.E. (1965) From the History of Soviet Architecture of the First Post-Revolution Years (Civil architecture of RSFSR). 1917-1925. Summary of PhD Dissertation (Art Criticism). Moscow: Institute of History of Arts. (in Russian)
11. Khan-Magomedov, S.O. (1993) The Psychoanalytical Method of N.Ladovsky at VHUTEMAS–VHUTEIN. (United Left-Wing Workshops, Psychotechnic Laboratory). Moscow: Arkhitektura. (Creative movements, concepts and organisations of Soviet avant-garde. Issue 2). (in Russian)
12. Khan-Magomedov, S.O. (2003) Constructivism – A Form-Building Concept. Moscow: Stroyizdat. (in Russian)